

Научная статья
УДК 82-141
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94
EDN DTPZYH

Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц

Леонид Викторович Дубаков^{1✉}, Го Вэньцин²

¹Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

²Аспирантка филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²Lesliegreycn@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-6206-6118>

Аннотация. В статье анализируется один из ключевых, сквозных образов поэзии Е. А. Шварц – образ лисы-оборотня. Впервые она обратилась к нему в середине 80-х годов, а последнее стихотворение, где появляется этот персонаж, датируется началом нулевых. Лиса-оборотень у Шварц – многосоставный образ, в котором присутствуют черты разных культур – русской, западной, но, прежде всего, – китайской, где она именуется хули-цин. Генезис героини цикла «Стихотворения Арно Царта» восходит, в частности, к лисицам Пу Сунлина. Как и китайские хули-цин, героиня Шварц сочетает в себе противоположности, она образованна и умна, существует за счет жизненной энергии людей, но способна любить и дружить, путешествует по миру и выбирает для обитания глухие места. Лиса-оборотень Елены Шварц проецирует свою инверсивную способность на других персонажей стихотворений и на окружающую их реальность, в результате чего те также приобретают возможность трансформации. Поэтесса не только помещает лису-оборотня в иной культурный и географический контекст, но и вкладывает в ее образ новые смыслы. Лиса-оборотень оказывается у Шварц символом поэта и музы одновременно: она пишет стихи в цикле «Сочинения Арно Царта» и она же именуется музой в эпитафии к поэме «Грубыми средствами не достичь блаженства». Кроме того, между автором и хули-цин обозначаются любовно-супружеские отношения. В лисе-оборотне Елены Шварц также можно разглядеть автобиографические черты. Шварцевская хули-цин оказывается у поэтессы духовным странником, через мудрость, страдания, потери и смерть обретающим небесный мир.

© Дубаков Л. В., Го Вэньцин, 2022

Ключевые слова: лиса-оборотень; хули-цзин; культурный образ; сквозной образ; Елена Шварц; оборотничество; инверсивность; трансформация

Для цитирования: Дубаков Л. В., Го Вэньцзин Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 81-94. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94>. <https://elibrary.ru/dtpzyh>.

Original article

Cultural image of the were-fox in Elena Shvarts' poetry

Leonid V. Dubakov¹✉, Guo Wenjing²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of philology, MSU-PPI University in Shenzhen, Shenzhen, China.

²Postgraduate student at the Department of philology, MSU-PPI University in Shenzhen, Shenzhen, China

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²Lesliegreycn@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-6206-6118>

Abstract. The article analyzes one of the key, recurring images in the poetry of E.A. Shvarts – the image of the were-fox. She first turned to it in the mid-1980s, and the last poem with this character appears in the early 2000s. Shvarts' were-fox is a complex image that contains features of different cultures – Russian, Western, and above all Chinese, where it is called huli-jing. The genesis of the heroine in the cycle “Arno Tsart's Works” goes back to Pu Sunlin's foxes in particular. Like the Chinese huli-jing, Shvarts' heroine combines the opposites: she is educated and intelligent, living off people's energy, but capable of love and friendship; she travels the world and chooses to live in remote places. Elena Shvarts' were-fox projects its inverting ability onto the other characters of the poems and the surrounding reality, as a result of which they also acquire the ability to transform. The poetess not only places the were-fox in a different cultural and geographical context, but also applies new meanings to its image. In Shvarts' poems, the were-fox is a symbol of both the poet and the muse: she writes poetry in the cycle “Arno Tsart's Works” and is also referred to as the muse in the epigraph to the poem “Brutal means cannot achieve bliss”. In addition, there is a romantic and marital relationship between the author and the huli-jing. One can also recognize autobiographical traits in the were-fox of Elena Shvarts. Shvarts' huli-jing turns out to be a spiritual wanderer who finds the heavenly world through wisdom, suffering, loss and death.

Key words: were-fox; huli-jing; cultural image; recurring image; Elena Shvarts; shape-shifting; inversion; transformation

For citation: Dubakov L. V., Guo Wenzing Cultural image of the were-fox in Elena Shvarts' poetry. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):81-94. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94>. <https://elibrary.ru/dtpzyh>.

Введение

Образ китайской лисы-оборотня в творчестве Елены Шварц – это сквозной образ. Он встречается в нескольких стихотворениях, написанных в разные годы. Поэтесса обращается к хули-цзин (лиса-оборотень по-китайски) в стихотворениях, которые были созданы еще в середине 80-х годов прошлого века, и завершает ее историю в середине 2000-х годов. Характер ее лисы, как представляется, не подвергается принципиальным изменениям, но при этом шварцевская хули-цзин постепенно вмещает в себя все больше смыслов, теснее сближается с автором и становится трагическим персонажем.

Китайская традиция в образе шварцевской лисы-оборотня и варианты ее трансформации

Образ Ляо-шу-фэнь, героини стихотворных циклов «Повесть о Лисе», «Стихи Лисы» и «Второе путешествие Лисы на Северо-Запад», составляющих большой цикл «Стихотворения Арно Царта» (1984), создается на перекрестье различных культур – русской, западной и китайской. В образе Ляо-шу-фэнь видно влияние русского фольклора, средневековой европейской культуры и культуры немецкого романтизма. О многочисленных отсылках шварцевской Лисы к

зарубежной и русской литературе в статье «Хьюмби-поэт, или Цветные ангелы Елены Шварц» пишет Е. О. Айзенштейн [Айзенштейн, 2015].

Однако важнейшей частью ее образа становятся прямые отсылки именно к культуре китайской: «В этой книге литературный Китай актуализирован с помощью анималистического образа лисы, являющегося «маркером» восточной культуры» [Воронцова, 2013, с. 10]. В «Повести о Лисе» Ляо-шу-фэнь – лиса-оборотень, хули-цзин, скрывающаяся под обликом петербургской дворничихи. Она прячет свои зооморфные черты, но они открываются в момент венчания: «У невесты ушки и хвост! – / Правда! Торчком встали ушки, / Вся она вдруг покраснела, / Легкою шерстью покрылась, / Стала лесною лисицей, / Зубы ощерив, рыча» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В этом эпизоде Ляо-шу-фэнь как оборотень оказывается в состоянии полуинверсии. Однако глагол «покраснела» может быть прочитан как следствие стыда, «уши торчком» – как форма ушей, «хвост» – как вариант женской прически. Иными словами, Елена Шварц создает мерцающий образ, дающий возможность двойного понимания Ляо-шу-фэнь. То же – в финале

«Повести о Лисе», где героиня «Вдруг махнула хвостом / И бурым комочком / Петлять принялась / В переулках» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. «Хвост» здесь может быть прочитан как шуточный атрибут кокетливой женщины или вертихвостки. Вместе с тем Елена Шварц оставляет для читателя и возможность прямого истолкования: лиса-оборотень покинула студента Арно Царта. То же – в стихотворении «Письмо от Лисы через 10 лет», где у героини «облысела шубка» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Эта «шубка» одновременно вызывает мысль о мехе болеющего животного, и прочитывается как уменьшительно-ласкательная форма для обозначения состарившейся женской зимней верхней одежды. В «Стихах Лисы» от героини может пахнуть «мокрой псиной» [Шварц, Сочинения Арно Царта], что то ли обозначает реакцию человеческого тела на стресс, то ли говорит о ее лисьей природе – через родство с собакой. Там же она «откинет шерсть / В неведомое» [Шварц, Сочинения Арно Царта], то ли снимая случайно приставшую к одежде шерстинку, то ли трансформируясь обратно в человека.

Во «Втором путешествии Лисы на Северо-Запад» лисьи признаки у Ляо-шу-фэнь проявляются более отчетливо. Для Циня Лиса – «золотая вечная подруга» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Эпитет «золотая» здесь может быть понят и как указание на близость их отноше-

ний, на то, насколько Циню дорога Ляо-шу-фэнь, и как буквальное обозначение цвета ее шерсти. Но там же Цинь указывает на возраст Лисы, которой при всем ее очаровании около шестисот лет, а сама Лиса просовывает под дверь «кончик хвоста красноватый» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Ранее сама Лиса сообщает, что ей трудно притворяться «юной девой» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. «Главный критерий сверхъестественных сил лисы – ее возраст. <...> Об этом прямо сказано в рассказе из сборника «Сюань чжун цзи» (玄中記 «Записки из мрака»): “<...> Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой”» [Алимов, 2008, с. 49]. Лиса способна продлить жизнь розе «из папского сада» [Шварц, Сочинения Арно Царта], которая в ее гербарии как будто не отцвела. Ляо-шу-фэнь, таким образом, может преодолевать не только пространственные границы, но и временные.

Цинь и Лиса гуляют по городу, и Лиса выглядит как «веселая бабенка / В ватнике и сапогах» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Они идут и «мурлычат» – глагол, говорящий о любовной беседе и при этом относящийся к звукам, которые издают животные. Одновременно его можно понять как звуковой образ китайской речи для русского уха. Здесь же присутствует и ирония, связанная с особенностью восприятия китайского языка. Милиционе-

ру кажется, что Цинь и Лиса пьяные и ругаются матом.

Во «Втором путешествии Лисы на Северо-Запад» присутствует двойная трансформация. Лиса, обернувшись «бабенкой», превращается в даму «с веером фламинговым» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Переход животного в человека или наоборот дополняется у Шварц социальным оборотничеством. Лиса притворяется дворничихой – так же, как аристократический Петербург притворился пролетарским Ленинградом. В. И. Шубинский в статье о поэзии Е. Шварц написал об этом следующее: «это город-людоед, город-демон, он расположен в “зоне шаманизма”, здесь есть свой ужас и надрыв, и он-то, переваренный в горниле изящной словесности, и порождает пресловутый “петербургский текст” <...> Но петербургский ужас и надрыв обязательно оборачиваются чем-то очень конкретным, бытовым и забавным» [Шубинский, 2001]. Ляо-шу-фэнь в этой главе говорит, что они с Цинем не люди. Но ее пояснение – об интеллектуальной несамостоятельности людей – можно истолковать, как указание на духовную особость ее и Циня, а не природную. Тем более что Цинь – человек (о чем забывает Ляо-шу-фэнь).

Другая двойная трансформация присутствует в «Повести о Лисе», где героиня взмахивала «жесткою птичьей лапкой» [Шварц, 1996]. Шварц создает образ многосоставного оборотничества: Лиса имеет

не только лисьи черты, но и черты других животных. Здесь можно снова привести и глагол «мурлычат», и строки о набухании души Лисы подобному набуханию рогов «молодого оленя» [Шварц, Сочинения Арно Царта].

В образе шварцевской Лисы также могут присутствовать черты других элементов реальности – через сравнения. Например, в шестой главе «Повести о Лисе» оказывается, что «волосы у ней – паутина» [Шварц, Сочинения Арно Царта], а сама она сравнивается с розой. Ляо-шу-фэнь сбегает от Арно Царта «палым красным листом» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Например, в новелле «Фея лотоса» в качестве одного из источников шварцевского образа лисы-оборотня Пу Сунлина хули-цзин превращается сначала в камень, а затем в креповую накидку, от которой слышен запах духов [Пу Сунлин, 1988].

Оборотничеством пронизана и окружающая реальность. Во время прогулки Лисы и Циня «луна висит когтем» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Когда Арно Царт и Лиса гуляют, они проходят «мимо церкви <...>, кирки или костела» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Эти строки можно прочесть и как указание на последовательность строений и как на неопределенность строения, меняющего свой вид и религиозную принадлежность.

Оборотнический образ Лисы проецируется также на студента Арно Царта, alter ego поэта. У Цар-

та «острый нос, да шарф, / Красный, как лисий хвост» [Шварц, 1996]. Одежда Царта, по наблюдениям Лисы, часть не только его облика, но как будто и тела: «Всякая твоя рубаха / По ночам дрожит от страха – / Вдруг не наденешь. / Шарф так и льнет к шее. / Ботинки хотели б прирасти к пяткам»; «Куртка / Сама нарастила на себе заплату» [Шварц, 1996]. В этой связи особенно важен глагол «прирасти»: одежда как шерсть, растущая на теле и меняющая человеческий облик. А ее олицетворение косвенно актуализирует магический мотив перверсии. При этом сам Царт сравнивает себя с растением, и его развернутая метафора и замечание о том, что он из дворян, также вводит мотив социального оборотничества. У Циня халат украшен драконьими глазами и тиграми, «а те носами водят, китайский чужа домик» [Шварц, 1996]. Одежда оживает, оборачиваясь живыми существами. Соседка по коммунальной квартире Циня после его приказа «уползла» [Шварц, 1996] (вариант – подобно змее).

Имя Арно Царта, согласно предположениям Е. О. Айзенштейн, отсылает к Арно Хольцу, и к Арво Пярту, и к Моцарту. В «Стихах Лисы» автор так осмысляет образ лисы-оборотня: она «в шкуре человечества глухой» [Шварц, 1996] является волоском жизни и творчества, той, кто вносит в мир любовь. Арно Царт и Лиса совпадают в своей необычности и пусть по-разному

проявляющейся, но созидательной силе. Метафора здесь укрупняет и углубляет взгляд на лису-оборотня: Лиса выступает в качестве творца, она не особь, но особенная, как поэт по-особенному существует в мире обычных людей. Таким образом, автобиографический мотив, соответственно, вовлекает в широкий оборотнический образ также и автора цикла стихотворений о Лисе. Стихотворения Арно Царта, согласно определению Лисы, тоже обладают оборотнической природой: одно из них похоже на карлика в синем балахоне, другое – на бабочку «с прекрасной и рыжекудрой головкой» [Шварц, 1996], третье – на сросшихся пятернашек.

Поэт Кри-ву-лин (В. Б. Кривулин) в цикле иронически выведен как подражатель Арно Царта, и таким образом оказывается еще одним «оборотнем» этих стихотворений. Интересно, что Виктор Кривулин («– Уж не китаец ли?») [Шварц, 1996] в стихотворении «Град аптечный» так же, как и Е. Шварц, видел Ленинград городом, в котором человек «нереальной Китая», нарисован «иглокожей китайщиной» [Кривулин].

Ляо-шу-фэнь соблазняет Арно Царта и Циня. Она – кокетка, как бы невольно обращающая внимание мужчин на привлекательные стороны своего облика. В кинотеатре она сделала так, что самым интересным зрелищем оказалась она сама: «Как скучно, – она сказала, – / Бывает поинтересней». – /

Она из чулка достала / Серебряное зеркальце / И, тихо смеясь, показала» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Чулки здесь актуализируют мотив сексуальности Лисы. Равно как и «крохотная туфелька» [Шварц, Сочинения Арно Царта], которую она скидывает после обучения Арно Царта китайской мудрости. У Пу Сунлина в новелле «Чародейка Ляньсян» лиса дарит студенту башмачок в виде крючка, с помощью которого он может ее призывать и на который она его посадила [Пу Сунлин, 1988, с. 35]. Прилетев в гости к Циню, Лиса под дверью водит «игриво» [Шварц, Сочинения Арно Царта] хвостом. Подарок для Циня она достает из-под юбки.

В стихотворении «Второе путешествие Лисы на Северо-Запад», говоря об Арно Царте, Лиса упоминает созвездие Лебедь: «– Ты б его хоть навестила? / Это близко. – Да зачем же? / И зачем ему Лисица / С родинками на запястье / В виде Лебеда созвездья?» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. (Созвездие Лебедь, или Северный Крест, находится недалеко от созвездия Лисичка.) С созвездием Лебедь связан древнегреческий миф о Зевсе и Леде. Леда – дочь царя Этолии, известная красавица. Ее увидел Зевс и начал обдумывать способ, как ему овладеть Ледой так, чтобы об этом не узнала его супруга Гера. Он превратился в белоснежного лебедя и спустился с высот Олимпа в Спарту, к Леде. Другими словами, это созвездие связано с мотивом со-

блазна. Позже, в «Стихах Лисы», снова появится отсылка к античной мифологии с эротическим подтекстом. Лиса перефразирует оду «Бог» Г. Р. Державина: «Я хочу червя любить, / И чтоб он ко мне стремился, / Чтоб Творец меня любил, / В ум златым дождем пролился» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В данном случае речь идет не только о двух состояниях человека – начальном и предельном, но и о восприятии Лисой людей: «...вы – люди – холодные черви / И не знаете любви вечной...» [Шварц, Сочинения Арно Царта].

Лиса-оборотень в китайской культуре забирает у человека силы, это ее способ насыщения: «в процессе сексуальных сношений она получает от мужчины его жизненную энергию, что необходимо ей для совершенствования волшебных возможностей» [Алимов, 2006, с. 245]. Лиса у Елены Шварц очаровывает человека, обманывает его: «Нам положено, лисицам, человека погубить, / А самим нам – все до фени. / За нос я его водила / И взяла немного силы / Для бессмертия лепешек» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Любовь Лисы оборачивается вредом для тартусского студента: «Жизненная сила истончилась, / Высох от нее, зачах» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Елена Шварц развивает мотив о поглощении лисой-оборотнем жизненной силы человека. В цикле стихотворений о Лисе это поглощение оказывается трудным процессом, ведь «когда

Лиса полюбит человека – / То как загнанная дышит и страдает, / Запечется рот, в подглазьях тени, / И душа набухает, душа набухает, / Как рога молодого оленя» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В любви Лиса мучительно обретает другую душу, отдавая свои знания и получая новый опыт.

В «Повести о Лисе» есть такие строки: «Все же ты нашла меня, Лиса. / В захолустьи – / Лисы любят захолустья» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Лисы-оборотни в китайской культуре часто обитают в заброшенных домах или в могилах, в пещерах, в лесах, то есть в темных, инфернальных местах. Например, в новеллах Пу Сунлина «Красавица Цинфэн» и «Лиса выдает дочь замуж» лисы-оборотни заняли опустевшие особняки [Пу Сунлин, 1988]. Студент и поэт Арно Царт называет захолустьем Прибалтику, Эстонию. Он живет в Таллинне (по-старому – в Ревеле) и смотрит на Финский залив. Эстония в его восприятии – окраина Советского Союза. В Вышгороде (часть Таллинна) он и Лиса гуляют в «безлюдных сумерках» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. И одновременно Арно Царт, сам ранее предложив характеристику «захолустья», спорит с Ляо-шу-фэнь, говоря, что он «вырос не мещанском захолустья, / А на стене трехзубого обрыва / Европы в небо, в нети, в чернозем» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Здесь Елена Шварц переосмысливает понятие «захолустья»,

из пространственного измерения перенося его в духовное – мещанство. По выражению Арно Царта, лисы хотят вывести человека, «похожего на карликовый сад» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Интересен при этом вектор «обрыва» – то ли в сторону Балтийского моря, то ли в сторону РСФСР. Лиса сбегает от возлюбленного по улице Вене, петляя переулками, в финале «Повести о Лисе» вновь актуализируя мотив небольшого, сжатого пространства.

В «Письме от Лисы через десять лет» Лиса поневоле, но все же оказывается в провинциальном зоопарке. И, вероятно, в клетке. Она чувствует себя как будто в могиле: «Моя вся облысела шубка, / Глаза тускнеют, тупятся когти» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Ляо-шу-Фэнь, теряя свободу, страдает от старости и предчувствует приход смерти. Образ зоопарка, или клетки, символизирует утрату Лисой энергии, которая происходит под влиянием внешнего человеческого мира. Также зоопарк – место для животных в буквальном смысле.

В «Стихах Лисы» Ляо-шу-фэнь говорит: «Мы полетим с тобой / Меж звезд / В метафизический курятник, Мы полетим с тобой / В далекий огород...» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Когда Лиса влюбилась, она мечтает улететь на небо, «меж звезд», в бесконечное пространство, в иронический «метафизический курятник» («Где множество наук / Сидят, скучая на насесте. / Ждут нас, мой друг») и в

«далекий огород – / Где всякая любовь свободно, / Прополота, растет» [Шварц, 1996]. Пространство стихотворений о Лисе у Елены Шварц выходит здесь за пределы земных координат. И одновременно образы этого внеземного пространства зримо ограничены: курятник, огород. Вновь лиса-оборотень стремится к сжатому пространству. То же – в случае с коммунальной квартирой, в которой ее встречает Цинь.

В начале «Второго путешествия Лисы на Северо-Запад» Цинь пишет Ляо-шу-фэнь, что он живет в Санкт-Петербурге на Дзержинского, 17. В письме он говорит о Ленинграде, мифологизируя его: «(Городок такой гиперборейский)» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Но обыденная и бытовая сторона города, пространство коммунальной квартиры по-настоящему преобразуется лишь при появлении Лисы: «Где старец-матерщинник? Где бабенка? / Прекрасный юноша в халате, / Украшенном драконьими глазами / И тиграми» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В Ленинграде с ее появлением «китайщиной запахло» [Шварц, Сочинения Арно Царта]: на берегу Невы десятилетия стоят живые ши-цза, воспетые Георгием Ивановым, а тигры чуют китайский домик Петра I. Елена Шварц ведет диалог с поэтической традицией, как бы одомашнивая ши-цза, которым просто холодно и одиноко в Петербурге, в противовес ивановскому взгляду о религиозно-

культурном противостоянии китайских львов русской реальности.

Пространство, в котором существует лиса-оборотень у Елены Шварц, это также пространство зазеркальное. Дважды Лиса магическим образом создает лодку, на которой плывет с Арно Цартом и Цинем по иномирию: «Вырезала из бумаги лодку. / Далеко уплыли / По рисовым полям зеркальным»; «Лиса из туфли достала / Бумажный кораблик, / Плюнула – получилась лодка / Деревянная, сели они, поплыли / По стеклянным залам белой ночи» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Во втором случае поэту уже не потребовался образ китайских рисовых полей: в Ленинграде, в отличие от Прибалтики, достаточно своей «китайщины».

Ляо-шу-фэнь в финале последней главы – «лысеющая лиска», ее «одежда вся оплыла» [Шварц, Сочинения Арно Царта], когда Цинь задерживает ее после кражи эликсира бессмертия и грозит отрезать ей хвост. «Мерцание» образа Лисы в цикле стихотворений о ней у Елены Шварц практически полностью исчезает в конце. Герои окончательно разоблачаются перед читателем: Лиса оказывается лисой-оборотнем, а Цинь – старым китайцем, магом, алхимиком. Поэт выстраивает сюжет цикла стихотворений от неопределенности и шутки к однозначной серьезности и трагичности финала: Цинь мертв, и Лиса, сама того не желая, оказалась причиной его гибели. Лиса-кокетка

превращается в Лису на службе у Единорога, опасаящегося того, что эликсир бессмертия перестанет быть тайной.

Ляо-шу-фэнь – не просто лиса-оборотень, она лисица-праведница, которая долго живет и стремится «приблизиться к миру горнему <...>, уйдя от суетных страстей мира людей» [Алимов, 2008, с. 50]. Она служит Цилюню – одному из четырех священных животных китайской мифологии. А. Б. Шмитт предполагает, что Единорог из поэмы «О том, кто рядом» есть Цилюнь и что задача человека, согласно этой поэме, – «трансформировать свое физическое тело в алмаз, пропускаясь сквозь себя свет духа» [Шмитт, 2019, с. 102]. Она – фрейлина великой феи. И. А. Алимов предлагает трипостасную классификацию лис: белая лисица, фея-лиса и лиса-оборотень. Если опираться на нее, Ляо-шу-фэнь – на пути к тому, чтобы стать девятихвостой лисицей [Алимов, 2008]. Арно Царту она говорит, что однажды вырастает «кровинкою в Поднебесной», как он «ветерком растает в поднебесьи» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Она пишет стихи о прорыве в трансцендентное.

Образ лисы-оборотня появляется и в ряде других стихотворений Е. Шварц. В разделе «Кинфия» сборника «Mundus imaginalis» в стихотворении «Только вчера я хотела...», по замечанию А. Д. Севастьяновой, «лирическая героиня надевает маску Кинфии, а та, в

свою очередь – лисы, в которую мечтает превратиться» [Севастьянова, 2020, с. 403]. Кинфия хочет «достать шафранной краски / Для волос – шафранной, с переливом. / Рыжей стать <...> лисицей» [Шварц, Кинфия]. Шафранный цвет в данном случае, с учетом мотива о переменчивости и человеческих желаний, заявленного в стихотворении, вызывает ассоциацию не только с лисой, но и с буддизмом, где этот цвет символизирует отречение от материальной жизни.

В стихотворении под названием «Стихи о Горе-Злосчастье и бесконечном счастье быть меченной Божьей рукой» Е. Шварц перечисляет образы своей лирической героини, говоря, что теперь она «сделалась головней, / говорящей / и танцующей на хвосте, / как змея» [Шварц, Стихи этого года]. Учитывая образ хвоста в финале, кажется, что лиса-оборотень снова сменила свой облик, оставив явную улику перемены.

А. В. Севастьянова предполагает, что в эпиграфе к поэме «Грубыми средствами не достичь блаженства» Е. Шварц «муза-лиса напоминает Ляо-шу-фэнь» [Севастьянова, 2020, с. 403]. Теперь лиса-оборотень, точнее, лис-оборотень, оказывается не одной из шварцевских масок, а тем, кто принимает мужской облик и в качестве музы приходит к поэту. Отношения между ней и музой (лисом-оборотнем) в сравнении Е. Шварц – супружеские. При этом частица «уж» в строке «Притерлись уж друг к дру-

гу, как супруги» [Шварц, 1993] может быть прочитана как существительное, и таким образом, снова обнаруживается мотив лисьей трансформации.

В стихотворении «Освобождение Лисы» из сборника «Трость скорописца», Елена Шварц создает образ лисы, потерявшей в капкане одну лапу, но все равно бегущей на небо: «Лиса бежит к сияющей вершине, / То падая, то вновь приподнимаясь», «Там на вершине ждет ее свобода, / Небесный Петербург» [Шварц, Трость скорописца]. Это стихотворение может быть прочитано как послесловие к «Сочинениям Арно Царта». Интеллигентский Ленинград середины 1980-х годов и его культурно-духовное небо, стилизованное под шинуазри, обращившаяся розамирским Небесным Петербургом, а ироническое противоборство Лисы и Циня сменяется натуралистическим описанием истекающего кровью и погибающего оборотня, который уже не контролирует свои формы: «То будто одноногий злой подросток, / То снова зверь больной» [Шварц, Трость скорописца]. Ритм стихотворения обусловлен страшным бегом лисы на трех лапах: дважды повторяются тройные анафоры, заданные союзом «то» и предлогом «по». Летние встречи Ляо-шу-фэнь и Циня в Летнем саду завершаются в «мертвой серебром мерцающей долине» под «ледяным небом» [Шварц, Трость скорописца]. И неслучайно

соседство в этой строке слов «мертвой» и «серебром»: как известно, серебро несет оборотням смерть. Лиса освобождается из капкана и от земного бытия.

Заключение

Один из сквозных образов творчества Е. Шварц – лиса-оборотень – совпадает с китайскими лисами внешним видом, инверсивным характером своей природы, противоречивостью душевного склада, жизненными целями, способом существования, местом обитания, движением сквозь время. Оборотничество героини шварцевских стихотворений проецируется на других персонажей и окружающую реальность, что также приобретает возможность изменения своего облика. При этом Елена Шварц помещает китайскую лису-оборотня в иной географический и культурный контекст и вкладывает в ее образ новые смыслы. Лиса-оборотень у нее, пребывая в пространстве «петербургско-ленинградского текста», становится одним из вариантов образа поэта, образа, в котором проявляются также автобиографические черты. Также лиса-оборотень – это образ ее вдохновения, любви и религиозного выбора. Для Елены Шварц оказывается особенно важен мотив духовного преображения лисы-оборотня. Ее лиса, пройдя через страдания и пережив утраты, умирая, уходит в небесный мир.

Библиографический список

1. Айзенштейн Е. О. Хьюмби-поэт, или Цветные ангелы Елены Шварц // Нева. №5. 2015. С. 183-209.
2. Александрова Е. А. Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Аналитика культурологии. 2011. № 1(19). С. 230-234.
3. Алексеев В. М. Предисловие переводчика // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. Москва : Худож. лит., 1988. 559 с.
4. Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. Санкт-Петербург : Наука, 2008. 284 с.
5. Алимов И. А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в западном Шу» Ли Сянь-Миня // Религиозный мир Китая 2005. Москва : РГГУ, 2006. С. 239-266. (Orientalia: Труды Института восточных культур и античности).
6. Воронцова К. В. Модели пространства в поэзии Елены Шварц. Волгоград, 2013. 24 с.
7. Гань Бао. Записки о поисках духов / пер., предисл., примечания, а также словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 576 с.
8. Гроот Ян Якоб Мария де. Демонология древнего Китая. Санкт-Петербург : Евразия, 2000. 346 с.
9. Кривулин В. Б. Воскресные облака // На середине мира: сайт. URL: <http://seredina-mira.narod.ru/krivulin1.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
10. Логинова Т. А. Традиционное представление о лисице-оборотне в китайской культуре // Язык и культура (Новосибирск). 2016. №21. С. 31-36.
11. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном / в пер. В. М. Алексеева. Москва : Художественная литература, 1988. 558 с.
12. Севастьянова А. Д. Образ лисы в творчестве Елены Шварц // Язык и культура: взгляд молодых : материалы III Международной научной конференции студентов и школьников в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 26–28 мая 2020 года. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 402-405.
13. Цзи Юнь Заметки из хижины «Великое в малом» / пер. с кит., предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман. Москва : Наука, 1974. 586 с.
14. Шмитт А. Б. Функция концептов ВОСТОК и ЗАПАД в поэзии Ольги Седаковой и Елены Шварц // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 93-107.
15. Шварц Е. А. Грубыми средствами не достичь блаженства // Лоция ночи. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-6.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
16. Шварц Е. А. Кинфия // Mundus Imaginalis. Книга ответвлений. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-1.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
17. Шварц Е. А. Сочинения Арно Царта // Mundus Imaginalis. Книга ответвлений. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-3.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
18. Шварц Е. А. Стихи этого года. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2004/8/stihi-etogo-goda.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).

19. Шварц Е. А. Трость скорописца // Новая камера хранения: сайт. URL: http://www.newkamera.de/shwarz/escwarz_06.html. (Дата обращения: 31.07.2022).
20. Шубинский В. И. Садовник и сад. О поэзии Елены Шварц // Знамя. 2001. №11. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/11/sadovnik-i-sad.html> (дата обращения: 31.07.2022).
21. Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се или о чем не говорил Конфуций / пер., предисл., коммент., и прил. О. Фишман. Москва : Наука, 1977. 504 с.
22. Яковлев А. М. Лисица-оборотень // Религиозный мир Китая 2005. Москва : РГГУ, 2006. С. 268-271. (Orientalia: Труды Института восточных культур и античности).

Reference list

1. Ajzenshtejn E. O. H'jumbi-pojet, ili Cvetnye angely Eleny Shvarc = Hyumby the Poet, or the Colored Angels of Helena Shwarts // Neva. №5. 2015. S. 183-209.
2. Aleksandrova E. A. Izuchenie tradicionnoj jetnicheskoj kul'tury cherez semioticheskoj analiz skazocnyh personazhej (obraz lisy v ruskoj i kitajskoj tradicijah) = Studying traditional ethnic culture through semiotic analysis of fairy tale characters (the image of the fox in Russian and Chinese traditions) // Analitika kul'turologii. 2011. № 1(19). S. 230-234.
3. Alekseev V. M. Predislovie perevodchika = Translator's foreword // Pu Sunlin. Rasskazy Ljao Chzhaja o neobyčajnom. Moskva : Hudozh. lit., 1988. 559 s.
4. Alimov I. A. Besy, lisy, duhi v tekstah sunskogo Kitaja. = Demons, foxes, and spirits in Sun China texts. Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. 284 s.
5. Alimov I. A. Kitajskij kul't lisy i «Udivitel'naja vstrecha v zapadnom Shu» Li Sjan'-Minja = The Chinese cult of the fox and the Amazing Encounter in Western Shu by Li Hsien-Min // Religioznyj mir Kitaja 2005. Moskva : RGGU, 2006. S. 239-266. (Orientalia: Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti).
6. Voroncova K. V. Modeli prostranstva v poezii Eleny Shvarc = Models of space in Elena Shvarts' poetry. Volgograd, 2013. 24 s.
7. Gan' Bao. Zapiski o poiskah duhov = Notes on the search for spirits / per., predisl., primechanija, a takzhe slovar'-ukazatel' L. N. Men'shikova. Sankt-Peterburg : Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1994. 576 с.
8. Groot Jan Jakob Marija de Demonologija drevnego Kitaja = Demonology of Ancient China. Sankt-Peterburg : Evrazija, 2000. 346 s.
9. Krivulin V. B. Voskresnye oblaka = Sunday clouds // Na seredine mira: sajt. URL: <http://seredina-mira.narod.ru/krivulin1.html>. (Дата obrashhenija: 31.07.2022).
10. Loginova T. A. Tradicionnoe predstavlenie o lisice-oborotne v kitajskoj kul'ture = The traditional concept of the were-fox in Chinese culture // Jazyk i kul'tura (Novosibirsk). 2016. №21. S. 31-36.
11. Pu Sunlin. Rasskazy Ljao Chzhaja o neobyčajnom = Tales of the extraordinary by Liao Zhai / v per. V. M. Alekseeva. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1988. 558 s.
12. Sevast'janova A. D. Obraz lisy v tvorcestve Eleny Shvarc = The image of the fox in Elena Shvarts' work // Jazyk i kul'tura: vzgljad molodyh : materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma. Moskva : RGGU, 2016. S. 10-14.

narodnoj nauchnoj konferencii studentov i shkol'nikov v ramkah Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalja slavjanskih jazykov i kul'tur, Moskva, 26–28 maja 2020 goda. Moskva : Gosudarstvennyj institut ruskogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2020. S. 402-405.

13. Czi Jun' Zametki iz hizhiny «Velikoe v malom» = Notes from the hut “Greatness in small things” / per. s kit., predislovie, kommentarij i prilozhenija O. L. Fishman. Moskva : Nauka, 1974. 586 s.

14. Shmitt A. B. Funkcija konceptov VOSTOK i ZAPAD v poezii Ol'gi Sedakovej i Eleny Shvarc = The function of the concepts EAST and WEST in Olga Sedakova and Elena Shvarts' poetry // Kritika i semiotika. 2019. № 1. S. 93-107.

15. Shvarc E. A. Grubymi sredstvami ne dostich' blazhenstva = Brutal means cannot achieve bliss // Locija nochi. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-6.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

16. Shvarc E. A. Kinfija = Cynthia // Mundus Imaginalis. Kniga otvetvlenij. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-1.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

17. Shvarc E. A. Sochinenija Arno Carta = Arno Tsart's works // Mundus Imaginalis. Kniga otvetvlenij. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-3.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

18. Shvarc E. A. Stihi jetogo goda. = This year's poems. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2004/8/stihi-etogo-goda.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

19. Shvarc E. A. Trost' skoropisca = The cursive writer's cane // Novaja kamera hranenija: sajt. URL: http://www.newkamera.de/shwarz/escwarz_06.html. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

20. Shubinskij V. I. Sadovnik i sad. O poezii Eleny Shvarc = The gardener and the garden. On Elena Shvarts' poetry // Znamja. 2001. №11. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/11/sadovnik-i-sad.html> (data obrashhenija: 31.07.2022).

21. Juan' Mjej. Novye [zapisi] Ci Se ili o chem ne govoril Konfucij = New [notes] Qi Xie or what Confucius did not talk about / per., predisl., komment., i pril. O. Fishman. Moskva : Nauka, 1977. 504 s.

22. Jakovlev A. M. Lisica-oboroten' = Were-fox // Religioznyj mir Kitaja 2005. Moskva : RGGU, 2006. S. 268-271. (Orientalia: Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti).

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 01.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022